

Михаил Салтыков-Щедрин

Для детского возраста

Михаил Салтыков-Щедрин
Для детского возраста

«Public Domain»

Салтыков-Щедрин М. Е.

Для детского возраста / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain»,

«...Вечер. Юный поэт Кобыльников (он же и столоначальник губернского правления) корпит над мелко исписанным листом бумаги в убогой своей квартире и с неслыханным озлоблением грызет перо и кусает ногти. Уже седьмой час; еще час, и квартира советника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще час, и она выйдет в залу, в коротеньком беленьком платьице (увы! ей еще только пятнадцать лет!), выйдет свеженькая и улыбающаяся, выйдет вся благоухающая ароматом невинности!..»

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Для детского возраста

Вечер. Юный поэт Кобыльников (он же и столоначальник губернского правления) корпит над мелко исписанным листом бумаги в убогой своей квартире и с неслыханным озлоблением грызет перо и кусает ногти. Уже седьмой час; еще час, и квартира советника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще час, и она выйдет в залу, в коротеньком беленьком платьице (увы! ей еще только пятнадцать лет!), выйдет свеженькая и улыбающаяся, выйдет вся благоухающая ароматом невинности!

– А что, мсьё Кобыльников, вы исполнили свое обещание? – спросит она его.

При этой мысли Кобыльников вскочил со стула как ужаленный и схватил себя за голову. Он начинал сознавать, что заложил слишком большой фундамент своему стихотворению. Уж две строфы, каждая в восемь стихов, готовы и переписаны, но, судя по развитию, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидеть, какой будет исход ее. Он уже принес достаточную дань восторгов возникающим красотам милой девочки; упомянул и о платьице, и о шейке лилейной, и о щечках «словно персик пушистых»...

И о том, о чем хотел бы, Да не смею говорить...

Теперь он задал себе вопрос: кому суждено обладать всеми этими сокровищами, старцу ли бессильному или поэту чернокудруму? Уж он начертал два первых стиха:

О, скажи ж, чей мощный образ
Эту грудь воспламенит? Эти перси...

Но тут воображение окончательно отказывалось служить. Рифма на «образ» решительно не приходила; то есть, коли хотите, и приходило кое-что в голову, но все какая-то чужья: «вобраз», «нообраз» – черт знает какая дребедень!

– Нет, да каково же! каково же! – вопиял он в отчаянии, – каково это с первого же раза подлецом себя выставить!

А время между тем равнодушно смотрело на его горесть и подвигало да подвигало вперед часовую стрелку. Кобыльников тоскливо взглянул на часы и увидел, что до семи остается только пять минут.

– Нет, ни за что на свете не поеду! – воскликнул он, бросаясь в изнеможении на стул, – лучше один посижу, лучше без ужина останусь, нежели подлецом себя выставлю!

«Нобраз!» – насмешливо шептало между тем воображение.

– Фуй, мерзость! и прилезут же в голову такие пошлости, что ни складу ни ладу нет!

Кобыльников плюнул с досады.

– Ни за что не поеду! – повторил он, но вслед за этим ни с того ни с сего раздумался.

Молодость вдруг заговорила в нем ласкающими голосами. Перед глазами его рисуется залитая светом зала; посреди ее стоит елка, вся изукрашенная разноцветными лентами и фольгой; елка, которой ветви гнутся под бременем пастилы и других соблазнительных сластей. А вон и беленькое платьице, вон и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грация в очертаниях этой головки! что за свежесть, что за сокровища в этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетают по комнате, когда эта милая девочка засмеется! Точно вот солнышко выглянет из-за хмурых туч, и все вдруг кругом улыбнется: и речка, которая до тех пор лениво катила серые волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цветной ковер от дождей и холодов угрюмого ненастья, и статский советник Поплавков, который сидит за карточным столом и двадцатый раз сряду озлобленно произносит «пас!». Вот она пошла танцевать – и все-то выходит у нее не так, как у других. Посмотрите, напри-

мер, или, лучше сказать прослушайтесь, как танцует Настя Поплавкова, Нюта Смуценская! «Конь бежит, земля дрожит!» А она! Неслышно, почти незримо летает она по крашеному полу, нимало не задевая крошечными ножками за землю, и вся как будто уносясь и исчезая вверх!

Но, кроме того, и ужин не лишен своей прелести. Уже накрывается длинный стол в задней комнате, и хотя руки дворового официанта Андрея не совсем чисты, но, судя по хлебосольным привычкам хозяина, нельзя сомневаться, что на столе будет и свежая осетрина, и жирный зажаренный лещ, и все, одним словом, что приличествует кануну такого великого праздника, как рождество Христово.

– И надо же быть такому несчастию! – рассуждает сам с собою Кобыльников, но рассуждает как-то вяло, без прежних порывов. Вообще видно, что картины, которые нарисовало ему воображение, произвели заметное расслабление во всем его организме.

В это время часы прошипели семь. Кобыльников машинально встал со стула и направился к платяному шкапу.

«Нобраз! нобраз!» – шлепнул вдруг враждебный голос и остановил его на половине дороги.

С минуту еще длилась борьба его с самим собою, но наконец молодость взяла-таки свое. Кобыльников поспешно натянул на себя фрак и, взглянув на переписанные две строфы, покусился было попытать счастья, нельзя ли сбить их с рук в том виде, в каком они были, но, по внимательном прочтении, стихотворение показалось ему еще более недостаточным, нежели когда-либо. С досадою отшвырнул он его от себя и выбежал из квартиры.

На дворе стояла ночь, та слепая, досадная ночь, которая может случиться только в далеком, провинциальном городке, где откупщик еще не доведен кроткими мерами до сознания своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освещения улиц. Злой и резкий ветер несся по улице, поднимая и крутя в воздухе целые столбы снежной пыли, взвизгивал, и завывал, ударяясь об углы домов. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не более тридцати шагов, а не то пришлось бы, ему, бедному, воротиться в квартиру и опять сесть за сочинение распроклятых стихов.

«Нобраз!» – взвизгнул вдруг ветер в самые уши поэта.

– Фу ты, черт! – пробормотал Кобыльников и, плотнее завернувшись в шинель, с усилием начал карабкаться вперед, утопая в сугробах снега, заваливших тротуар.

Но вот уж брезжит свет сквозь снежный туман: сначала он мелькает в виде крошечного круга, но мало-помалу круг разрастается, и освещенные окна советничьей квартиры представляются взору во всем их заманчивом великолепии. Издрогший и измученный, врывается Кобыльников в переднюю желанного дома и долгое время поправляет потерпевшие от снега части своего туалета. – А! молодой человек! милости просим! – встречает его хозяин дома, Иван Кузьмич Лопатников, – ну что, одолели капустниковское дело?

– Кончил-с, – отвечает Кобыльников и мысленно говорит самому себе: «Что, если б ты знал, что я, вместо капустниковского дела, целые три часа корпел над сочинением стихов?»

– То-то, а не то нас с вами новый генерал совсем съест!

Но, разговаривая с хозяином, Кобыльников улучает, однако ж, минуту, чтоб бросить взгляд в сторону, и с удовольствием примечает, что точно такой же взгляд выглядывает из-за елки и на него. Он спешит оставить гостеприимного хозяина и всеми силами души устремляется туда, откуда блеснул ему теплый луч привета и детской привязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.